

ДОКЛАД И. А. ОРБЕЛИ О РАСКОПКАХ В АНБЕРДЕ

В конце июня 1936 г. Иосиф Абгарович Орбелн выехал в Ереван для организации совместных археологических работ Армянского филиала Академии наук СССР, Государственного Эрмитажа и Института истории и литературы Армении. Археологические раскопки средневековой крепости Анберд на южных склонах горы Арагац, произведенные летом того же года, дали первые положительные результаты.

Постановлением Совнаркома Армянской ССР от 9 октября 1936 г. было признано целесообразным продолжение и расширение совместных археологических раскопок уникального средневекового замка Анберд.

Публикуемый ниже доклад «Ани и раскопки замка Анберд» прочитан И. А. Орбелн 20 декабря 1936 г. на объединенном пленуме Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и Государственного Эрмитажа, посвященном второй годовщине кончины Н. Я. Марра. Стенограмма доклада хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

ОКТЯБРИНА БАЛИКЯН,
ЭММА САРКИСЯН

АНИ И РАСКОПКИ ЗАМКА АНБЕРД

20 декабря 1936 г.

Товарищи, во всех выступлениях, которые имели место за последние два года и которые были посвящены Н. Я. Марру и его научной деятельности, в той или иной мере подчеркивалась та мысль, что Николай Яковлевич принадлежал не только к числу величайших ученых мира, но и тех ученых, которые умеют в своей работе не отделять одного вида источника от другого вида источников, умеют объединять исследование всех этих источников и в целом умеют в каждой своей работе оставаться всегда и прежде всего историками. Действительно, в этом замечательная черта всей научной деятельности Н. Я. Марра и в тех случаях, когда он занимался чисто лингвистическими вопросами или ставил перед собой филологические задачи и особенно в тех случаях, когда он касался истории литературы и той дисциплины, которая пыталась переменить свое наименование и все-таки остается тем, чем должна быть — наукой археологии. Археология является не вспомогательной дисциплиной, а наукой, открывающей подлинную историю человечества. Все работы Марра, посвященные археологической работе, до такой степени связаны с Ани¹, с его раскопками и их научным освещением, что, когда возникает мысль о Н. Я. Марре, как об археологе, то эта мысль связывается с Ани и не потому, что там работал Марр

¹ И. А. Орбелн, Городище Ани и его раскопки («Избранные труды», Ереван, 1963, стр. 7—132).

25 лет, а потому, что все его археологические, исторические изыскания касались Ани и той организации, которую сам Н. Я. Марр любил называть Анийским археологическим институтом. Этому институту не суждено было родиться, вместо него создавалось другое учреждение, которое мало было на него похоже и было посвящено исследованию Кавказа. Учреждение, которое далеко отошло от тех задач, которые ставил перед Анийским институтом и блестяще разрешал сам Н. Я. Марр.

Давно уже, в 1917 г., ощутилась острая потребность создания в нашей стране другой археологической базы, которая могла бы заменить городище Ани, и когда я в 1929 г. отправился на Кавказ по поручению Н. Я. Марра, то имелось в виду выяснить возможность организации больших систематических раскопок, которые были бы в какой бы то ни было мере достойны продолжать раскопки Ани и смогли бы заменить не родившийся Анийский институт, но живший и сделавший очень много не только для востоковедной науки. В 1929 г. шли большие разговоры об археологических раскопках в Армении: не хотелось начинать с раскопок, которые могли бы прерваться, а начать с раскопок, могущих создать Анийскую школу — школу раскопок Марра. Еще тогда не хотелось думать, что так скоро уйдет создатель анийского археологического дела. Казалось, что начало этих работ будет положено под его непосредственным наблюдением и руководством, и таким образом будет обеспечена возможность восстановления той старой традиции, которая всегда сколько-нибудь соприкасалась с изучением Кавказа за последние 40 лет, но судьба решила этот вопрос иначе. Обстоятельства сложились по-иному, и, когда впервые явилась возможность начать систематические раскопки на Кавказе, Николая Яковлевича уже в нашей среде нет. Тем большая ответственность ложится на тех, кто должен взять на себя продолжение дела Марра уже без возможности всегда иметь в нем друга, и учителя, и родного человека. Раскопки в Анберде намечены были в связи с одной проблемой, важность которой выяснилась уже в давние годы, в те годы, когда в раскопках Ани мы соприкоснулись с памятниками некультового назначения. Проблема эта была названа в одном из проектов производственного плана ГАИМК — проблемой замка и города. К сожалению, эта, казалось бы, ясная формулировка проблемы осталась непонятой и вызвала целый ряд нареканий со стороны тех, кто, по-видимому, не имел никакой связи с исследованием вещественных памятников, как одного из видов источников, с исследованием прошлого на основании всей совокупности данных, с исследованием прошлого в связи с той установкой, которую перед нами могут раскрыть археологические памятники. Проблема замка и города, особенно в эпоху от IX до XIV вв., имеет исключительно большое значение. Дело в том, что все, кто соприкасается с исследованиями Кавказа, знают, до какой степени ярко сказывается неравномерный процесс исторического развития не только для отдельных народностей, но и для отдельных частей одной и той же страны, для отдельных областей, населенных одним и тем же народом. Та проблема, которая с особой настой-

чивостью требует своего решения, чтобы надлежащим образом был разрешен вопрос о сасанидском искусстве, эта проблема не теряет своей остроты, когда мы переходим к так называемой монгольской эпохе. Я говорю «так называемой», потому что в истории Кавказа есть дѣльные, которые дают возможность иначе назвать эту эпоху, не применяя терминов, усвоенных от старой науки, любившей великие народы, творившие мировую историю, и игнорировавшей те малые народы, которые в действительности творили историю. Казалось бы, что интереснее всего было бы начать работу в том районе, который в истории Армении всегда представлялся находящимся на особом положении. Это тот район, который носит название Зангезур. Но когда представилась возможность раскопок, объектом таковых был выбран Анберд, так как целый ряд внешних черт давал основание начать работу даже при отсутствии богатых литературных свидетельств. Когда выяснилась возможность начать такие раскопки в Анберде, то оказалось, что на первый раз Анберд даст нам нужный материал. Действительно, раскопки показали, что мы имеем здесь памятник исключительного значения. Самое главное, почему я сегодня выступил с докладом на эту тему, это то, что Анберд оказался связанным с Ани не только именем его, которое в сущности означает почти то же самое, что и Ани. Там только просто племенное наименование с добавлением слова берд — замок, крепость...

Связь с Ани прочней, чем только в одном наименовании, и я постараюсь это показать. Эти раскопки были намечены в 1929 г. В 1929 г. мы совершили поездку и обнаружили мелочи, которыми заинтересовались. В развалинах маленькой бани², в штукатурке, были обнаружены гнезда, в которых несомненно были водопроводные трубы и сеть. Об этом свидетельствовала и ширина выемок, сделанных в камне; кладка труб металлическая. Те, кто знаком с раскопками в Ани, с открытием, сделанным Марром в 1907 г. в Анийском дворце, знают, что там был обнаружен сходный водопровод, состоящий из железных тонких труб, подводящих воду, и тонких деревянных — отводящих. Вы понимаете, что эта мелочь не могла не привлечь к себе внимания, тем более, что слой, в котором были обнаружены металлические трубы, по всей вероятности относился к XI в., так и Анберд должен был тоже относиться к XI—XII вв. Но в то же время и самый дворец не мог не привлечь к себе внимания: перед нами возвышалось колоссальное здание, сохранившееся до четвертого этажа, причем только отсутствие перекрытия мешает подойти к окнам этого этажа. Крыша не сохранилась. Здание построено, несомненно, не позднее X в., более точной датировки нельзя дать, потому что те даты, которые могут применяться к памятникам Анбердского района, могут также применяться и к памятникам, находящимся на высотах Алагеза (Арагаца). Во всяком случае, они не позднее X в. Окна, защищенные от покушений на целостность здания,

² Более подробно об этом сказано: И. А. Орбели, Бани и скоморох XII в. (в сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938).

решетки, от которых сохранились не только гнезда в камне, но обнаружены и обломки прутьев, не могут не заинтересовать. Наличие оборонительной стены замка и три высокие башни, которые обращены к вершинам Арагаца, напоминают анийские — вызов врагу. Украшение, состоящее из обожженных и необожженных тарелок, должно быть поставлено в связь с анийскими памятниками. Кроме того, в самом Анберде осмотрена замечательная маленькая церковь, поставленная не позднее 1026 г. и к которой относится первая дарственная надпись. Церковь эта сама по себе, по своим архитектурным формам весьма интересна. Для нас, для тех, кто связан с работами в Ани, она особенно интересна, потому что раз навсегда отмечает необходимость говорить о перестройке знаменитой Мармашенской церкви³, на которой сохранились два ценнейших эпиграфических памятника X, XI и XIII вв.; это надписи Ваграма Пахлавуни и его сыновей, аутентичность которых была заподозрена потому, что архитектурные формы Мармашенской церкви никак не укладывались в наше представление об архитектуре Армении X—XI вв. Формы купола Мармашенского храма наводили на мысль о том, что он был перестроен в XIII в. С другой стороны, поверхность кладки не давала возможности заподозрить частичную перестройку купола или отдельных частей церкви, и в связи с этим думали, что вся церковь заново перестроена, и все надписи заново переписаны. Форма церкви в Анберде раз навсегда заставила отказаться от представления о том, что Мармашенский храм перестроен, и таким образом мы имеем неопровержимое доказательство того, что нет основания подозревать копирование Мармашенских надписей. Самая форма этой церкви, способ ее кладки сами по себе тоже способны были бы привлечь к себе большой интерес и внимание, даже если бы не было этой связи с Мармашенской церковью. Это — первое из изученных до сих пор зданий, построенное на такой высоте — высота Анберда 2300 м. — и затем построенное из твердого камня. Способ его обработки мог бы навести на мысль, что и здесь мы имеем ту же туфовую кладку, которую мы имеем на сотнях каменных зданий Армении вообще. Эти детали (водопровод, само здание и церковь) привлекли к себе внимание исследователей в 1929 г. В 1929—1936 гг. начать эти раскопки не удалось. Целый ряд обстоятельств мешал нам выехать туда, мешал местным работникам начать эту работу. Только в этом году раскопки были начаты и проведены совместными усилиями Армфана и Государственного Эрмитажа. Когда мы планировали свою работу, то во главу угла нашей работы была поставлена баня. Это сравнительно небольшой памятник, который несомненно должен был таить в себе целый ряд интереснейших деталей, раз уже при поверхностном осмотре мы могли обнаружить следы металлических водопроводных труб. Не надо забывать, что кроме тех труб, которые были найдены в Ани и тех, которые были обнаружены в Ан-

³ И. А. Орбели, Надписи Мармашена («Избранные труды», Ереван, 1963, стр. 440—454).

берде, — других мы не имеем не только для памятников XI в., но и для последующих веков, вплоть до нашей современности. Раскопки этого года были начаты с самой бани. Те силы, которыми мы располагали для проведения этих раскопок, с одной стороны, не вызывали никакого сомнения в том, что работы будут проведены успешно, но, с другой стороны, внушали некоторое сомнение. Дело в том, что товарищи, которые были привлечены к раскопкам, уже были знакомы с раскопками, но не работали со средневековыми памятниками. С другой стороны, товарищи, которые много лет работают над изучением памятников этой эпохи, не были знакомы с археологическими раскопками и никогда их не видели. Наконец, весь этот научный состав работников не был связан с раскопками в Ани, за исключением начальника экспедиции и его помощника, а нам хотелось применить те методы, которые применял Н. Я. Марр. Кроме того, смущал состав самих рабочих. Казалось, что трудно добыть такую группу землекопов, которую можно было бы приучить к приемам археологических раскопок и образовать кадры раскопочных рабочих для будущих лет. В этом отношении нас ждало максимально приятное разочарование. Те товарищи, которых мы привлекли из ближайших к Анберду селений, были в большинстве своем юношами 17—18 лет, людьми, никогда не видавшими археологических раскопок, не слышавших, как они проводятся, но людьми, способными с первого же дня заинтересоваться не только той зарплатой, которую они получали, но и той научной работой, ради которой были предприняты эти раскопки. В этом отношении я не хочу сказать ничего плохого про анийских рабочих: они были очень хороши, но приучить их было трудно к раскопкам. Прежде всего это были не юноши, и большинством из них руководили побуждения чисто материального порядка, большинство не знало грамоты. Здесь же значительная часть рабочих была грамотной, среди них целый ряд лиц учился в школе, некоторые учились в эриванском техникуме, некоторые — в эриванском институте, и никаких заявлений, что они непосредственно со студенческой скамьи собираются работать, не было. С другой стороны, выяснился целый ряд сюрпризов, которые нередко нас, работников Академии наук, конфузили. Когда случайно одним из научных участников раскопок было произнесено имя Коперника, то один из парней лет шестнадцати, который никогда не выезжал из своей деревни, заинтересовавшись этим именем, дал справку о деятельности Коперника, о неясности вопроса его национального происхождения, сообщил биографию Коперника, о связи между изысканиями Коперника и открытием Магеллана. И когда дошло до этого, то оказалось, что присутствующие могли поучиться у этого парня. Когда возникает необходимость противопоставления шестнадцатилетнего парня аспиранту такого высокого учреждения, как Государственная академия наук, то становится немного неловко и вместе с тем радостно, что такие парни у нас растут... Но случались и курьезы: тот же самый Варган, когда один из присутствовавших произнес слово «обезьяна», сейчас же подхватил его, сказав «питекантроп». И нужно

отдать ему справедливость, неудачно применив это слово к костяку, открытому в здании XIII в., он дал совершенно правильное определение этого понятия. Знание подобных вещей парнем, живущим в глухой деревне, просто замечательно!

Все рабочие чрезвычайно заинтересовались раскопками в Анберде, и я знаю, что как в Ани Николаю Яковлевичу удалось ценой больших трудов создать кадры прекрасных рабочих, так и в Анберде, если мы будем продолжать соответствующим образом эту работу, мы создадим кадры рабочих, которые смогут производить работы не только в Ани и Анберде, но и на других территориях. Раскопки мы начали около маленькой бани, и на ней позвольте прежде всего остановиться. Когда мы начали эти раскопки, вся баня была засыпана землей и камнями. К концу раскопок баня была освобождена от земляного покрова, и выяснилось, что перед нами один из интереснейших памятников, несомненно начавший жить в XI в., и живший, как действующая баня, вплоть до конца XIII в. Для датировки этого памятника, как архитектурного памятника, данных было мало, потому что купола этой бани представляют собой правильную кладку из хорошо отесанных камней, базирующихся на тропках; эти тропки характерны для памятников более древнего времени. С другой стороны, некоторые отдельные детали и способ стески камней не дают возможности отнести этот памятник к такому времени, к которому можно было бы его отнести по тропкам. Как показали раскопки, баня эта пережила 3 эпохи строительства. Сначала это было помещение, в котором не было никаких особых технических приспособлений, которые появились потом. Следующий этап дает нам целый ряд таких усовершенствований, которые заставляют нас думать, что перестройка и переделка этой бани была вызвана как бы поездкой владельца замка в Ани и возможностью познакомиться с анийской баней, до такой степени этот этап строительства копирует то, что мы видели в Ани. Во второй период строительства был устроен настил, который лежал, с одной стороны, на вымостке старого фундамента этого помещения и, с другой стороны, на каменных столбах, поддерживающих плиты пола. Под этим полом разводился огонь через особую топку, которая находилась в задней стене этой бани. Нагретый воздух проникал во все помещение через жаровые каналы, заделанные в толще стен и устроенные в виде гончарных труб. Через эти трубы избыток жара мог выходить наружу через крышу здания. Рядом со второй комнатой этой бани было устроено небольшое помещение, верхняя часть которого представляла бассейн с водонепроницаемыми стенками, а внизу находилась топка. В этом бассейне должна была нагреваться вода, которая затем по железной водопроводной трубе поступала из этого бассейна в раковину, в которой можно было мыться, и дальше тянулась эта труба ко второй такой же раковине или может быть исчезнувшему водоему. Остатки этих железных труб были найдены, они находятся на нашей выставке. Трубы эти в высшей степени для нас интересны, потому что приблизительно составляли $3/4$ диаметра, который

имели трубы аийского дворца. Здесь имеем совершенно другое: иной способ соединения труб, более совершенный. Там они состояли из небольших колен длиной 55 см., с воротником, шапки которых соединялись отдельными колонками. Здесь же они соединялись посредством муфточек. Этот момент применения муфт указывает на новые технические достижения, и в этом отношении надо определять эти трубы независимо от аийских или же учитывая большой шаг вперед. Тот водоем, от которого шла железная труба, соединялся с наружной трубой, по-видимому, гончарной. Самым интересным было распределение воды из бассейна, находящегося ниже того уровня, до которого должна подниматься вода, чтобы бежать дальше к той чаше, из которой ее можно выпустить. Но снаружи вода должна была, ясно, идти по каким-то трубам, потому что трудно предположить, чтобы эту воду носили ведрами. К концу раскопок выяснилось, по какому направлению шла наружная гончарная труба. Последующий этап жизни этой бани: система железных труб испортилась, бассейн не мог использоваться для нагревания воды, середина была выломана, и туда был вделан большой металлический котел; происходила топка котла... в стене, отделяющей бассейн от центрального помещения бани. Трудно сказать, в тот ли момент, когда баня функционировала с ее жаровыми каналами или когда они перестали нагревать пол, но было почему-то решено провести внутри бани за... оры⁴. На уровне немного ниже тех плит, которые должны были лежать, образуя пол, были обнаружены кости: сначала челюсть, потом и другие кости человека, но, по-видимому, подверженного какому-то искусственному изуродованию в младенчестве. Были удалены все зубы челюсти. Челюсть была сломана, сращена неправильно, тут же были найдены ребра, свидетельствующие о том, что человека подвергли искалечению. Среди этих костей, в самом сердце, между ребрами были найдены целиком кости петуха или курицы. Вы понимаете, что находка в средневековом замке человека, подвергнутого искусственному изуродованию и захоронению, вместе с петухом, навела на мысль об аналогичных примерах, что и здесь мы имеем дело с захоронением шута, одного из тех, которые должны были обслуживать двор вассалов Востока и Запада. Новым явилось умышленное искалечение. Шуты и калеки использовались в Армении в качестве придворной челяди. Об этом можно судить по одной басне XIII в., изданной Н. Я. Марром⁵. Там идет речь об откупе всех калек данного округа и о том, что один калека, у которого оказывается целый ряд увечий: срезаны уши, перебита рука и т. д., один он способен равняться по своей материальной ценности всем остальным калекам, которые могли бы найтись в этом округе. Так что откупивший всех калек данного района может удовлетвориться одним таким калеккой, поскольку в нем соединены все увечья, которые имеются у других калек. Ни в одном из подобных памятников не было обнару-

⁴ Не читается.

⁵ Н. Я. Марр, Сборник притч Вардана, СПб., 1894—1899.

жено до сих пор ни одного свидетельства о заведомом увечье людей для того, чтобы сделать из них шутов. Для Запада такие свидетельства мы имеем. Этот калека не мог не привлечь к себе максимум нашего внимания. Сейчас его кости будут подвергнуты специальному исследованию и, возможно, что это исследование раскроет перед нами одно из мрачных явлений тех времен. Возвращаясь к бане, надо сказать, что вода поступала по гончарной трубе, и когда мы попробовали раскопать прилежащий к бане участок, то обнаружили пять линий водопроводов, которые, по-видимому, относятся ко второй эпохе реконструкций этого водопровода, причем основная магистраль идет за стены города, проходя через малый проем, оставленный в толще стены, идущей вокруг крепости. Оказалось, что эта линия водопровода на несколько километров уходит в горы по направлению к вершине Алагеза. Если бы сама баня дала только железную водопроводную трубу, только эту находку костей предполагаемого шута, то казалось бы можно было быть удовлетворенными результатами раскопок небольшого памятника, проведенными в небольшой период. Но дело в том, что мы имеем еще и другие открытия. С той стороны, где помещалась топка этой бани, извне оказалось двухъярусное помещение, которое мы условно назвали помещением истопника, в котором было подполье. Эта пристройка погибла от пожара, и при этом пожаре, при провале пола, туда свалились из второго этажа все те вещи, которые мы в течение раскопок обнаружили. Здесь был целый отдел бронзы хорошего музея. Здесь были обнаружены три бронзовые ступки, два бронзовых подсвечника, светильник, малюсенький, в несколько сантиметров, котелок на трех ножках, в котором найдены следы того вещества, которое в нем растиралось или нагревалось, и еще целый ряд других мелких предметов, в том числе большое количество обломков керамики, которое по своему значению далеко уступает обнаруженной здесь бронзе. Бронза эта не могла не остановить на себе внимания всех тех, кто работал в Анберде. Вы знаете, что к числу выводов, сделанных в свое время Марром на основании данных раскопок в Ани, относится положение, которое в 1902 г. представлялось далеко не таким ясным, каким оно представляется теперь. Это положение гласило, что подлинная история Ани не представляет собой картины национальной и вероисповедной розни, а картину борьбы между собой, как Николай Яковлевич назвал, сословий. Слово «класс», как известно, он не применял. Вот это представление борьбы по горизонтали, как он говорил, а не по вертикали трудно было внедрить каждому из слушателей и читателей Николая Яковлевича. Отрицание национальной розни подтверждало наличие многих памятников: одно и то же количество предметов обихода было обнаружено и у высших, и у низших людей. Пользование одинаковыми предметами, сходство имен, хотя Николай Яковлевич и отмечает, что имелись отдельные календарные имена, он здесь проводил связь с мусульманскими именами. Отсутствие религиозной розни подтверждалось надписями на четырех языках на

мечети в Ани. Эти раскопки показывают все то, на основе чего Николай Яковлевич приходил к своему замечательному выводу...

Таким образом, эта бронза сама по себе должна была навести на мысль, где же эти вещи могли производиться. Когда мы начинали раскопки в Анберде, мы имели в виду систематические раскопки и на будущий год предполагаем раскопки тех же мест, где можно было бы ожидать мастерские. Ввиду наличия целого ряда других памятников, кроме этой бронзы, можно сделать предположение, что эти ступки изготовлены на месте. Черт, противоречащих тому, что они могли быть сделаны в Анберде, нет. Но другие находки, которые были сделаны, наводят на мысль о возможности завоза. Дело в том, что здесь, в ближайшем окружении этих ступок и подсвечников, найдены были обломки той керамики, которая долгие годы носила, а отчасти и сейчас продолжает носить, название рейской керамики, которая производилась в г. Рей. Как известно, раскопки в Ани показали, что керамика такого же типа и характера производилась и в Ани. Исследования А. Ю. Якубовского в Ургенче показали, что и там имеется посуда, вышедшая из местной обжигательной печи. Таким образом, число пунктов, в которых производилась эта рейская керамика, расширилось, и сейчас придется искать местное производство независимо от того, разрушен ли был в 1322 г. Рей или не разрушен. Тут же были обнаружены обломки другой керамики, особенно для нас интересной. Если вы посмотрите на вещи, выставленные в витринах, то вы будете изумлены тем сходством, почти полным совпадением и в технике, и в орнаменте, которое обнаруживается здесь и в вещах, покрытых глазурью, и в вещах не покрытых глазурью, между находками в Анберде и в Ани, находками в Анберде и Херсонесе. Таким образом, еще лишний раз подчеркивается та мысль, которую в свое время проводил Н. Я. Марр по поводу обнаруженной керамики в так называемых бедных домишках, которые он открыл раскопками в Ани. Вот эти раскопки бедных домишек открыли чрезвычайно интересную картину: в одном и том же слое XII в. и начала XIII в. оказались великолепные образцы рейской керамики. Таким образом, в районе бедных домов обнаружены в большом количестве обломки керамики, которая должна была принадлежать византийскому производству, в частности, Херсонесу. Датируются они XII—XIII вв. Тогда был поставлен вопрос, правильно ли мы определяем источники, связанные с керамикой. Эта самая керамика была обнаружена в большом количестве в Анберде. Собственно, нет основания предполагать импорт из далеких стран. Эта керамика могла производиться и на месте. Вероятно, дальнейшие раскопки мастерских обнаружат те орудия производства, которыми эти вещи изготовлялись. Наряду с этими вещами, вероятно местного происхождения, найдены были в раскопках этого года и вещи завозного происхождения, что не может быть ни в какой мере подвергнуто сомнению. В раскопках дворца были найдены обломки селадона, обломки плит из китайского полуфарфора, который производился только в Китае и вызывал подражание в Персии, но отличался и по качеству производ-

ства, и по материалу... С другой стороны, в том же дворце были найдены обломки стекла, которое производили только в Сирии и Египте. Таким образом, несомненно шалище в Анберде завоза из далеких стран, может быть, непосредственно, а, может быть, и через посредство Ирана и других областей, примыкающих к Армении с юга. Итак, мы имеем наличие импорта, идущего издалека. Этот момент весьма интересен. Данный замок принадлежал к роду князей Пахлавунн. Род этот очень сильный и обладающий большим количеством замков и крепостей, казалось бы, что тут не должны наличествовать в качестве предметов исключительной роскоши посуда и утварь, завезенные издалека. Все давало основание считать, что находки, обнаруженные здесь, должны были быть местного, собственного производства. Так казалось на основании сопоставлений с Изур...⁶ с данными, которые мы имели в г. Ани, но раскопки показали противное. Селадон и расписное стекло были найдены в самом дворце. Раскопки эти были очень трудные. Дело в том, что стены дворца сохранились до четвертого этажа, но подкопаться под них было бы очень рискованно, и мы в этом году ограничились небольшим участком, где не нарушен земляной покров, обвал которого мог бы вызвать порчу памятника и гибель людей. В дальнейшем будут приняты меры к укреплению этого здания, и я надеюсь, что весь этот замок будет освобожден от земли. Тогда можно будет поставить целый ряд других вопросов, которые вытекают из изучения анийских дворцов. Раскопаны были две комнаты на уровне второго этажа. Здесь, за небольшой высокой дверью, открылась, с одной стороны, та каменная базальтовая плита, которой эта дверь задвигалась. С другой стороны, лестница дворца, насчитывающая 20 с лишним ступеней, которая вела во второй, может быть, и в третий этажи дворца. Верхняя часть лестницы не сохранилась. Плита, которой задвигалась эта дверь, опять-таки не могла не напомнить нам Ани. Как известно, все анийские башни запирались тяжелыми базальтовыми плитами, которые поворачивались на шипах, и точно так же была устроена та плита, которую мы имели в Анберде, разница только в размерах. Эта плита поражает своей тяжестью и вызывает целый ряд сомнений, как она в обычное время могла отодвигаться в то время, когда не было угрозы со стороны врага. Также надо упомянуть о том, что были найдены прутья от тех решеток, которыми были защищены окна дворца от врагов. Наличие этих решеток не только в окнах, но и в бойницах, навело на мысль о том, что сидевшие в этом замке должны были защищать себя не только от внешних врагов, но и от внутренних. Трудно сказать, с какой стороны дворец себя больше ограждал от врагов — с внешней или внутренней. Помимо этих решеток, перед дворцом на небольшом расстоянии имеется та линия стен, о которой мы ничего не знали до раскопок этого года и которая была обнаружена под землей, благодаря исследованиям одного из участников анийских раскопок Леона Калантара. Ему удалось на небольшом участке раскопать эту стену, и таким образом мы получаем ясную картину

⁶ Не читается.

этих стен. В прежнее время мы могли бы, конечно, непосредственно это связать с таким объяснением, что учитывалась возможность занятия приступом крепости, проникновения врага внутрь крепости. Но теперь невольно думается, что это было сделано в целях защиты тех, кто находился непосредственно во дворце. Невольно вспоминаешь известные слова Вартана, который говорил о том, что князья и епископы пьют мозг народа, а от этого народ хиреет и умирает. Это не может не навести на мысль о том, что это было осознано князьями, жившими во дворце. Во всяком случае, этот вопрос, окончательное разрешение которого мы получим, вероятно, в будущем году, когда удастся докопать но-настоящему внутреннюю линию стен. Эти стены должны быть раскрыты. Они дадут нам решение той задачи, которую поставило перед нами самое обнаружение этих стен. Когда речь идет о древнем замке, в частности, о замках Кавказа, то необходимым сопутствующим моментом является подземный ход, потайной ход к реке и т. п. Никогда по существу ни один подземный ход не подвергался анализу. Характер подземного хода в Ани: это помещение, в котором должны были укрываться от опасности жители замка, но ни в коем случае он не сообщался с рекой. Другой ход шел около церкви Тиграна Великого⁷. Они были оторваны друг от друга. Другой характер потайного хода был обнаружен в Анберде. Он был открыт одним из участников экспедиции. Владельцы Анберда постарались обеспечить себя водой: помимо одной цистерны перед дворцом, другая была внутри дворца, а третья цистерна была в одной из башен, окружающих дворец и защищающих от врагов с тыла. Наличие цистерны в центре двора напоминало, с одной стороны, анийский Вышгород и было на тот случай, если дворец будет отрезан от цистерны, находящейся над ним. Пиотровскому и Гам⁸... удалось найти этот ход. Этот ход представлял собой галерею, с двух сторон окруженную каменными кладками и покрытую колоссальными плитами из камня с таким расчетом, чтобы для внешнего взгляда эти плиты могли выглядеть как специальная дорога, ведущая в крепость. Даже охрана, если бы она тут стояла, выглядела бы как охрана дороги, ведущей в крепость. Эти ходы обычно выходили наружу, на поверхность плато, на котором стоял замок. Эти ходы должны были служить для сообщения с рекой также и в Анберде, но его концевая часть завалена отвалом горы. У этого потайного хода был безопасный выход к реке. Можно было не показываться наружу, проходя под каменными плитами: ход просторный, так что, проходя по галерее, не заваленной плитами, мы имели возможность идти слегка наклонив голову. Весь этот замок Анберд хорошо укладывается в рамки рассказа Фауста о замке Артогера⁹. Невольно возвращаешься мыслями к рассказу Фауста и к тому моменту, когда у дворца царицы появляется Мефистофель через потайной ход. Другая

⁷ Имеется в виду Тигран Онец.

⁸ Вероятно, речь идет о Гюламиряне.

⁹ Имеется в виду крепость Артагерс.

линия этого потайного хода вела в самый замок. Задача изучения его может быть разрешена при дальнейших раскопках, когда мы подойдем к другому концу дворца, который обращен к ущелью. Мы до сих пор работали в центральной части крепости. Наконец, мы в самом Анберде имели возможность предпринять небольшие разведки и маленькие раскопки на той части крепости, которая казалась наиболее древней, может быть, имеющей отношение к периоду халдского строительства. На эту мысль наводил характер кладки тех огромных необработанных глыб, которые там имелись. В этом году мы предприняли небольшие раскопки, но они никаких данных, подтверждающих то, что эта часть крепости относится к халдскому времени, не дали. Большинство находок относится ко времени от X в. примерно до XIII—XIV вв., т. е. к тому времени, к которому относятся все находки. Там была обнаружена маслодавильня с тем чудовищным жерновом, который напоминает нам находящиеся в изобилии и в Ани и в других местах, служившие орудием выжимания растительного масла. Когда производишь работы снова, на той же приблизительно территории, во всяком случае в той же стране, в которой были проведены такие исчерпывающие изыскания, какие были сделаны в Ани, то невольно хочется сделать все зависящее от тебя, чтобы все направление работы, ведущейся под таким замечательным руководством, которое давал нам сам Николай Яковлевич, чтобы все это направление работы было и теперь. Мы знали и помнили, как любил Николай Яковлевич организовывать экскурсии сравнительно далеко от территории Ани. Мы также начали проводить такие экскурсии. Мы отправились на поиски вшапов. На склоне Алагеза нам удалось найти три таких вшапа, и я надеюсь, что нам удастся найти еще целый ряд памятников, и мы будем иметь в пределах самой Армении еще один район, где имеются изображения этих чудовищных покровителей орошения. Раскопки в Анберде в этом году были только начаты, но они обязали нас поставить вопрос о продолжении этих работ и с новой настойчивостью подчеркивают необходимость параллельного неразрывного изучения и замка, и города. В этой связи для нас, для всех участников Анбердских раскопок особенно заманчивой казалась возможность расширить наши работы и перенести их за пределы замка, за пределы Анберда на те холмики, которые связываются с именем г. Двина в районе Хаморун¹⁰. Это связано с исследованием Барды, столицы нынешнего Азербайджана¹¹. Раскопки Двина дают ряд находок. Они должны стать очередной задачей, но с параллельным изучением Анберда и еще целого ряда пунктов, но в сущности и одна, и другая работа имеют смысл при том условии, если будет изучаться не только один головной пункт — отрезок пути, идущего из Ирана в Черное море, но и другой головной путь. Этими задачами мы руководствовались при планировке работы на дальнейшие годы. Тут еще одна вещь: каждый мо-

¹⁰ Хаморун — описка. Должно быть Камарлу (ныне Арташат).

¹¹ Имеется в виду город Партав, столица Кавказской Албании.

жет поставить передо мной или моими товарищами вопрос такого порядка: если мы говорим, что задались целью восстановить археологическую базу, которую потеряли в 1917 г., если хотим восстановить исследование в Армении и если при этом упоминаем имя Н. Я. Марра, то естественно спросить, чем были особенно замечательны подготовительные работы Марра к раскопкам. Вы знаете, что Николай Яковлевич, будучи последовательным археологом и толкователем вещей, в то же время держался одного принципа, который выдвигался и В. В. Бартольдом, о невозможности изучать раскопки, пока не изучены все наземные памятники и все письменные свидетельства. В этом отношении подготовительная работа была также сделана, но она непосредственно с самими раскопками не связана. Хотелось возможно больше остановиться на тех вещах и вещественных памятниках, которые были вскрыты в этом году. Вся совокупность этих данных, собранных до начала раскопок и во время их, должна войти в отчет анийской экспедиции, который будет сдан в печать. Если этого не сделаем, не сумеем отчитаться перед страной, которая дала возможность заняться изысканиями на ее территории, то нарушим завет Николая Яковлевича — никогда не начинать раскопок следующего года, когда нет отчета предыдущего. Если анийский отчет печатался в количестве 300 экземпляров и рецензировался в течение трех месяцев, удовлетворяя запросы того ограниченного количества лиц, которые интересовались раскопками в Ани, то перед нами сейчас стоит другая задача, стоит вопрос об удовлетворении интересов молодежи, учащейся молодежи Армении, а также всего ее населения. Если бы большинство из присутствующих видело, как ползли экскурсии из жителей близлежащих и более отдаленных пунктов, то стало бы понятно, что отчитываться нам придется не только перед эриванским университетом и Академией наук, но и перед всем населением республики, настолько к этому возник большой интерес, и не использовать его было бы преступлением, потому что памятниками Армения насыщена до чрезвычайности. Памятники эти зачастую находятся в угрожаемом состоянии и не только от природных условий, но и от руки человека. Кто же может лучше охранять эти памятники, чем те, кто живут около этих памятников и осознает их научное значение? Между прочим, этот момент — осознание значения этих памятников — встал перед нами с чрезвычайной остротой. Когда мы были в Гарни, то оказалось, что местная общественность берет на себя обязанность охраны памятников. Надо развернуть работу в этом направлении. Нужно вовлечь в эту работу охранного и исследовательского порядка возможно более широкие круги. Работа 1936 г. в Армении убедила нас в том, что возможности 1936 г. неизмеримо шире возможностей 1929 г. Я надеюсь, что недалек тот день, когда в результате дальнейших работ в Армении удастся создать настоящие кадры, из которых будут пополняться ряды не только наших раскопчных работников, но и ряды научных сотрудников, которые будут отдавать свои силы изучению прошлого Армении. Уже сейчас во время раскопок терялась грань между рабочим и науч-

ным сотрудником. Во время этих раскопок особенно чувствовалось, особенно остро ощущалось, как с каждым днем в нашей стране, в нашей жизни и работе стирается грань между трудом физическим и трудом умственным. Никогда я так остро этого не чувствовал, как в те моменты особого напряжения, когда должны были быть приложены общие усилия для того, чтобы извлечь памятник целым и невредимым. Этот момент радовал меня, во всяком случае не меньше, чем те находки, которые были сделаны в этом году. Конечно, очень трудно на основании опыта полуторамесячной работы делать какие-либо особые заключения, нужно быть уверенным в том, что сумеешь вести эту работу так, как ее вел ушедший учитель. Все вы знаете, что одной из его главных особенностей в работе с учениками и со всеми теми, кто с ним входил в соприкосновение, это было его замечательное, неизменно ему сопутствующее свойство быть учителем в любую минуту — и в кабинете, и на раскопках, и на прогулке, и в любой иной обстановке. Вот это есть нечто такое, чего не повторишь. Методами Марра копать можно, если научиться, пытаться исследовать этот материал тоже можно, если научиться. Но повторять то, чем был замечателен сам Марр, как человек, это оказывается невозможным.

В заключение мне хотелось бы еще раз остановиться на том, какая разница между условиями работы в Ани и условиями работы сейчас. Как-то невольно вспоминаешь этот знаменитый рассказ Н. Я. Марра о приставе, который уговаривал его не говорить о том, что он приехал изучать армянские памятники, чтобы армяне не зазнались. Как-то невольно сравниваешь ту обстановку, в которой приходилось работать Н. Я. Марру, и ту обстановку, в которой протекала наша работа. Невольно сравниваешь то, как приходилось Николаю Яковлевичу добывать для раскопок средства и то, как это нужно было делать нам. Вспомним, как приходилось Николаю Яковлевичу убеждать отдельных меценатов в необходимости работ в Ани. Вспомним, как императорская Археологическая комиссия отпускала ежегодно от 300 до 500 рублей на раскопки в Ани при потребности в 12 000 рублей. И вспомним, товарищи, то отношение, которое мы встретили в Наркомпросе Армении. Мы вправе говорить, что в 1936 г. впервые в истории археологической науки имеет место совершенно исключительное событие — ассигнование правительством на археологические раскопки, не связанные ни в коей мере с обнаружением материальных ценностей, суммы, равной полмиллиону рублей. Это вещь совершенно неслыханная в археологической науке, это имело место осенью 1936 г.

Те, кто знают, что стоили раскопки самому Николаю Яковлевичу в смысле хождения на лекции, на всевозможные доклады, на приготовления к ним, те согласятся, что ученики Николая Яковлевича и его научные внуки поставлены в совершенно иные условия, чем те, в которых работал сам Николай Яковлевич. Но это еще более обязывает обеспечить Николаю Яковлевичу настоящих учеников и настоящих достойных его внуков.

Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, 1936 г., д. 306, лл. 4—25. Стенограмма. Машинопись.